

Особое внимание стоит уделять профилактике девиантного поведения, ведь своевременная помощь поможет не только избежать формирования устойчивых негативных поведенческих реакций, но также позволит иным людям в принципе избежать влияния девиаций.

Таким образом, общение с молодыми людьми преподавателям следует направлять на воспитание индивида как активного и волевого субъекта. Оказывать на молодёжь в процессе становления их общекультурного уровня конструктивное влияние. Следовательно, гуманитарная подготовленность молодежи является залогом личной успешности, которая позволит переосмыслить свое поведение и сформировать социально-одобряемое мировоззрение.

1. Марютина, Т. М. О природе психологических предикторов / Т. М. Марютина, О. Ю. Ермолаев, В. И. Трубников // Психологическая наука и образование. – 1998. – № 1. – С. 27–34.

2. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов / В. Д. Менделевич. – СПб. : Речь, 2005. – 445 с.

ТВОРЧЕСТВО В. ШАЛАМОВА КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА-ГУМАНИТАРИЯ

Богданенков А.С.

ВГУ имени П.М. Машерова

Педагогика, наряду с другими гуманитарными науками, восприняла мировоззрение, в котором ключевая роль принадлежала человеку. Поскольку только личность может воспитать личность, педагогу в такой в новой системе координат отводилось центральное место. К примеру, Адольф Дистервег утверждал, что «Самым важным явлением в школе, самым поучительным предметом, самым живым примером для ученика является сам учитель» [1, с. 41]. Подобно и великий русский педагог К.Д. Ушинский считал, что «В воспитании всё должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитание изливается только от живого источника человеческой личности» [1, с. 41]. Наряду с этим современная педагогика, характеризуя важнейшие личностные качества педагога и первостепенные задачи профессии, отмечает: «Учитель осуществляет важнейшую социальную функцию – духовное (здесь и далее выделено мной – А.Б.) воспроизводство человека, а значит и общества» [3, с. 34]. «Учитель не может, не имеет права останавливаться в своём научном, духовном, идейном росте» [3, с. 35].

В современном мире вопрос духовности, как одного из ключевых императивов социально-нравственной культуры личности, стоит особенно остро. XX век как никакой другой обозначил злободневность данного ас-

пекта человеческой личности. Рассмотрим это на примере лагерной прозы Варлама Шаламова.

В рассказе «Красный крест», описывающем лагерный опыт, как «отрицательную школу жизни целиком и полностью» [4, с. 185], Шаламов говорит о разлагающем влиянии лагерной жизни, уничтожающей в человеке всё человеческое, независимо от того, идёт ли речь о начальниках и конвойных, или о вольнонаёмных работниках: геологах, инженерах, врачах, приехавших на Колыму за длинным рублём, или о заключённых, будь то крестьяне или интеллигенция. Варлам Тихонович, прошедший в общей сложности в советских лагерях восемнадцать лет, пятнадцать из которых пришлось на Колыму, констатирует горькую истину: «цивилизация и культура слетают с человека в самый короткий срок, исчисляемый неделями» [4, с. 187]. Культура, как показала жизнь, явление очень хрупкое и легко поддающееся распаду. Представить механизм этого растления несложно. «Жизнь арестанта, – как говорится в другом рассказе, «Серафим», – сплошная цепь унижений с той минуты, когда он откроет глаза и уши и до начала благодетельного сна» [4, с. 153]. Холод, голод, бесконечные побои, нескончаемые унижения в совокупности с шестнадцатичасовым рабочим днём и четырьмя часами сна – быстро и надёжно совершают своё дело. Алгоритм прост, незатейлив и надёжен. В рассказе «Татарский мулла и свежий воздух» Шаламов описывает этот процесс по-медицински точно, скупое и беспристрастно: «В лагере, для того чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя. Эти сроки многократно проверены» [4, с. 125]. Однако, что говорить о Колыме, если нашумевший Стэнфордский тюремный эксперимент (1971 г.), в котором группа социальных психологов пыталась выяснить, что сильнее – хорошие люди или плохая ситуация, пришлось закончить досрочно, поскольку уже к шестому дню ситуация полностью вышла из-под контроля. Двадцать четыре самых обыкновенных студента, произвольно разделённые на две группы, «надзирателей» и «заключённых», оказавшись в условиях, имитирующих тюрьму, очень быстро срослись со своими ролями и начали, с одной стороны, демонстрировать открытый садизм, а с другой – испытывать депрессию и беспросветность.

Но было ли какое-нибудь противоядие от тотального разложения социально-нравственной личности, от распада человечности в человеке? Шаламов свидетельствует, что было. В рассказе «Курсы» это изображается дважды, сначала через призму жизненного опыта лагерного врача – одного из главных героев повествования, а потом от первого лица, т.е. от самого рассказчика, alteregoавтора. «Ольга Степановна была человеком наблюдательным и видела, что в лагере только одна группа людей сохраняет в себе человеческий образ –

религиозники: церковники и сектанты» [4, с. 509]. «Более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Раствление охватывало души всех, и только религиозники держались. Так было и пятнадцать, и пять лет назад» [4, с. 510]. В качестве ярких примеров такого рода религиозности, духовности, предохраняющей человеческую личность от целенаправленной дегуманизации, можно привести историю протестантского пастора Адама Фризогера из рассказа «Апостол Павел» и историю православного священника Замятина из рассказа «Выходной день». Обсуждая по свежим следам, опубликованный в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 г. рассказ «Один день Ивана Денисовича», Шаламов писал Солженицыну относительно образа баптиста Алёшки: «Необычайно правдивой фигурой в повести, авторской удачей, не уступающей главному герою, я считаю Алёшку, сектанта, и вот почему. За двадцать лет, что я провёл в лагерях и около них, я пришёл к твёрдому выводу – сумма многолетних, многочисленных наблюдений – что, если в лагере и были люди, которые, несмотря на все ужасы, голод, побои и холод, непосильную работу, сохранили и сохраняли неизменно человеческие черты, – это сектанты и вообще религиозники, включая и православных попов. Конечно, были отдельные хорошие люди и из других «групп населения», но это были одиночки, да и, пожалуй, до случая, пока не было слишком тяжело. Сектанты же всегда оставались людьми» [5, с. 279].

Среди всеобщего, тотального обесчеловечивания проза В. Шаламова, написанная «со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчетливостью документа», дает нам портрет человека, поработанного, но не сломленного лагерем. Шаламов неоднократно подчёркивает тот факт, что среди поголовного нравственного разложения «религиозники» сохраняют человеческое лицо, среди вездесущного душевного оледенения они все еще остаются способными на сердечную теплоту. Именно духовная составляющая личности, как свидетельствуют о том колымские рассказы, является тем единственным барьером, удерживающим социально-нравственную составляющую человеческой природы от торжества животности.

Однако секулярность отвела духовности место в области маргинального. Усилиями Фейербаха, Маркса, Ницше, Фрейда Бог был объявлен иллюзией, вымыслом, проекцией, надстройкой, тем, что требует отмены, поскольку отуманивает человеческий разум, держит в плену человеческую волю и содействует регрессу, а не прогрессу. В итоге, говоря языком Фрейда, религия оказалась вытесненной, а духовность была объявлена неврозом. Так XX век стал дорогостоящим экспериментом, воочию явившим результаты отмены метафизической истины. Формулируя главную проблему современности, Ганс Кюнг отмечает, что «для нашего времени характерны уже не вытеснение сексуальности и вины, а отсутствие ориентиров, норм, значений и смыслов, пустота и потому вытеснение нравственности и религиозности (выделено автором)... буйный рост принципа удовольствия при зачаточном состоянии духовных и религиозных принципов» [2, с. 99].

Духовное отнюдь не надстройка, как то представлял себе Маркс, но базис, как отмечает Вебер, – необходимый источник глубоких перемен. Именно духовное в личности педагога может и должно быть тем вяжущим веществом, которое соединяет воедино его разнообразные дидактические, организационно-коммуникативные и личностные способности, его педагогические базовые свойства и характеристики. Именно духовное, как отмечает в своих пронзительных рассказах Варлам Шаламов, может создать так необходимый для каждого педагога монолит человечности, способный выдержать любые даже самые бесчеловечные натиски времени.

1. Кашапов, М. М. Профессиональное становление педагога. Психолого-акмеологические основы / М. М. Кашапов, Т. В. Огородова. – М.: Юрайт, 2021. – 183 с.
2. Кюнг, Г. Фрейд и будущее религии / Г. Кюнг. – М.: ББИ, 2013. – 139 с.
3. Педагогика / под общ. ред. Л. С. Подымовой, В. А. Слостёнина. – М.: Юрайт, 2015. – 332 с.
4. Шаламов, В. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. / В. Шаламов. – М.: Книжный клуб Книговек, 2013. – Т. 1. – 672 с.
5. Шаламов, В. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. / В. Шаламов. – М.: Книжный клуб Книговек, 2013. – Т. 6. – 608 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА: РОЛЬ ДИСЦИПЛИН ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Васильева А.А.

Волковисский колледж УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

В настоящей статье поднимаются актуальные вопросы о необходимости укреплять гуманитарные основы современного профессионального образования. Практико-ориентированная модель, поддерживаемая педагогическим сообществом, может быть скорректирована гуманитарным вектором, чтобы расширить возможности обучающейся молодежи в плане раскрытия творческого потенциала, решения креативных проблем, формирования широты кругозора и необходимы для учителя профессиональных компетенций.

В предыдущие несколько лет в некоторых учреждениях образования нашей республики, в частности, Волковисском колледже (подшефном подразделении Гродненского государственного университета имени Янки Купалы) были отменены учебные занятия по дисциплине «Обучение игре на музыкальном инструменте». Год назад случился «возврат» к данному предмету на специальности «Начальное образование». Возможно, кто-то возразит, что этому учат в специализированных учебных заведениях (музыкальных колледжах, колледжах искусств). Это верно, но на взгляд современного человека, знания